

Кубатура. - 2006. - 2007. - 28 лет. - 10 лет. - С. 10.

Перед каждым чистым холстом начинаешь с нуля...

Исполнилось 60 лет заслуженному художнику России, члену-корреспонденту Российской академии художеств, заместителю председателя правления Московского союза художников, председателю правления "Объединения московских живописцев" Виктору ГЛУХОВУ. "Он мощно развивает традиции московской живописной школы и стал одним из ее лидеров"; - сказал Таир Салахов, вице-президент РАХ.

— У вас своя манера живописи, свои почерк, стилистика, цветовая палитра. Вероятно, к этому вы пришли не сразу?

— Не сразу и нелегко. Родился я в семье военного. Отец не хотел, чтобы я стал художником, поэтому вначале пришлось окончить индустриальный техникум, и только после службы в армии рискнул поступить на художественно-графический факультет педагогического института. Здесь я познакомился с Андреем Суровцевым, и он изменил мою жизнь. Стал моим наставником. И я вышел из института хорошо подготовленным. Уже через три года меня приняли в Союз художников, и я стал постоянно участвовать в выставках.

— Уже как художник со сложившимся живописным мировоззрением?

— Конечно, нет. Я еще долго продолжал учиться мастерству. Вместе с Су-

В. Глухов

ровцевым ездил по старым русским городам. Работал в Боровске, Старице, Переславле-Залесском. Вначале занимался только пейзажами. А уж позже, в живописном комбинате, стал писать и жанр. Так, работа "Молодая семья на БАМе" — автобиографична, здесь я изобразил себя и свою семью. Картина побывала на выставках, сейчас находится в Читинском художественном музее. Но картины мне давались труднее, чем пейзажные зарисовки: для этого нужно не только профессиональное умение, но и определенное состояние души. Сейчас же пишу и портреты, и обнаженную натуру, и натюрморты...

— У меня складывается впечатление, что теперь натюрморт — ваш преимущественный жанр.

— Да, натюрморт — один из люби-

мойших. Меня привлекает показывать через мир вещей самого художника, его пристрастия, увлечения, вкусы. Натюрморт дает широкие возможности через живопись отобразить жизнь. Вещи организуют не только интерьер, но и создают характер самого автора. Они передают облик, если хотите, дух человека. Но натюрморты довольно трудно писать. Здесь нужно постоянно находить какие-то новые композиционные, конструктивные решения, чтобы не повторяться.

— Наверное, трудно не повторять самого себя?

— Естественно, но сложившийся художник все равно будет узнаваемым, что бы он ни писал, за какой бы жанр ни принимался — при самых различных подходах к натуре, при новых пластических, композиционных, колористических или образных поисках. Ведь каждый раз перед чистым холстом художник еще не знает, что у него получится, он начинает как бы с нуля. Природа руководит художником, а не он — природой.

— Вы — художник узнаваемый. Но чем именно?

— Может быть, тем, что я последовател "Бубнового вала". Вероятно, отсюда и мой стиль, цветовая гамма, естественно, мною переработанные и сугубо индивидуальные. Меня привлекают бубновалетские яркие цветовые решения. Сейчас моя цветовая гамма стала светлее, легче, прозрачнее, я стал писать чистыми цветами, не смешивая их.

— Какие работы вы считаете наиболее значительными вехами в своем творчестве?

— Картину "Боровск" 1975 — 1976 годов. Этот период я считаю "белым", я старался писать белые пейзажи. Но "Боровск" — это не одна работа, это цикл полотен. Они сейчас находятся в музеях, в частных коллекциях. Затем был большой, почти десятилетний период — Переславль-Залесский. Туда я ездил с Андреем Суровцевым, Эдуардом Браговским, с другими художниками. Недаром Переславль-Залесский называют "Русским Барбизоном", несколько поколений художников получили право называться художниками именно там. Это было незабываемое время! Значительная веха — Сходня. Здесь мы с женой, художницей Ириной Глуховой, построили небольшой домик. Мне очень нравится там писать. В основном чистые пейзажи. Этот период был нелегким. Именно тогда я усовершенствовался не только в пейзаже, но и в натюрморте и в ню — изображении обнаженной модели.

— Какие из художников наиболее близки вам в творческом отношении?

— Эдуард Браговский, Павелников, Андрей Тутунов. Мне особенно нравится его ранний период.

— Все они, включая и вас, очень серьезные художники. Что вас объединяет?

— Мы представляем одну и ту же школу, которую я назвал бы "русским

импрессионизмом". Это впечатления от природы и ее преломление своими чувствами, настроениями, видением через себя.

Быть импрессионистом — это прежде всего уметь работать на природе и с натурой, с природой. Конечно, каждый художник понимает и решает по своему отношения с природой. Ведь русские импрессионисты разные. Надо не только передать впечатления от природы, но и обобщить их, создать образ. Это мало кто понимает.

— Мне кажется, что вы-то художник востребованный. Ваши работы находятся в Третьяковской галерее, в региональных музеях, в отечественных и зарубежных частных коллекциях.

— Раньше, лет пять назад, у меня покупали много работ. Сейчас гораздо меньше. Я поднял цену за свои картины. Почему я так сделал? Не хочется, чтобы хорошие работы так быстро уходили из мастерской. Я с трудом с ними расстаюсь. Наиболее значительные все же оставлю себе. Хочется показать их на выставках. А ведь сразу уйдут невесты куда, особенно в иные страны, и больше их никто не увидит. И сам не знаешь, где они ныне находятся. Оставленные же в мастерской работы заставляют художника не повторяться, они как бы подгоняют тебя к новым решениям, к поискам.

Беседу вел
Евграф КОНЧИН